

Детское чтение

1891. №2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Д38

Д38 Детское чтение: 1891. №2 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 113 с.

ISBN 978-5-458-24354-4

ISBN 978-5-458-24354-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИМА. ПОЛЯ СКОВАЛЪ МОРОЗЪ,
Бушуетъ вьюга на просторе,
Стоять, полны тоскливыхъ грезъ,
Лѣса въ серебряномъ уборѣ.
Не грѣетъ солнца блѣдный лучъ...
Морозъ, какъ чародѣй коварный,
Накинулъ, страшень и могучъ,
На землю саванъ погребальный.
Все ждетъ весны... Она придетъ,
Какъ фея добрая изъ сказки,
И вся природа оживетъ.
Отъ благодатной вешней ласки:
Лѣсъ обновленный зашумитъ;
Въ немъ птицъ сберутся хоробыды...
Полна и счастья, и свободы,
Пѣснь соловья намъ загремитъ!

Вас. Огарковъ.

СОВУШКА.

(Посвящается Олѣ А.).

(Окончаніе).

IV.

Новые друзья Совушки.

БЕСНА была ранняя. Не-
посредственно за весеннею
оттепелью сразу наступили
такіе теплые, почти жаркіе
дни, что, подъ вліяніемъ
животворныхъ лучей яр-
каго солнышка, черемуха
зацвѣла въ половинѣ ап-
рѣля, а къ Пасхѣ, бывшей
около 22-го числа этого
мѣсяца, и сирень уже украси-
лась своими душистыми, бѣлыми
и лиловыми цвѣтами. Фіалки от-
цвѣли необыкновенно рано, быстро
уступивши мѣсто бѣлоснѣжнымъ ланды-
шамъ. Ветлы задумчиво качали своими гиб-
кими, тонкими вѣтвями, покрытыми сѣро-
зелеными острыми листиками; весело трепетали своей

глянцовитою ярко-зеленою листвою березы; клены раз-
вертывали свои изящные, красивые лапчатые листья;
одни только дубы, съ своими еще оголенными сучьями,
стояли мрачные и серьезные на этомъ праздникѣ весны.

Хорошо было въ большомъ институтскомъ саду:
жадно впитывала грудь живительный весенній воздухъ,
напоенный ароматами цвѣтовъ. Начался приготовленія
къ экзамену и воспитанницы старшихъ классовъ, поль-
зуясь своей привилегіей, разбрелась по всему саду съ
своими тетрадками и книжками; роднымъ было предо-
ставлено право влдѣться съ своими дочками, племянни-
цами и внуками тутъ-же на лѣсномъ привольи, такъ
какъ институтскій садъ вовсе не былъ садомъ, въ на-
стоящемъ значеніи этого слова, а роскошнымъ обшир-
нымъ паркомъ, съ красивыми легкими мостиками, пе-
реброшенными черезъ лѣсистый оврагъ, проходившій
посрединѣ, съ дорожками, усыпанными крупнымъ пес-
комъ, съ скамейками, купальнями на большомъ пруду
и проч., и проч.

На холмѣ, въ концѣ сада, тамъ, гдѣ онъ бѣлой
стѣной отдѣлялся отъ примыкавшей къ нему рощи куща
Скорвякова, сидѣла Саша Голубинова, обложенная кни-
гами и тетрадами. Ея хорошенькое веселое личико было
серьезно; бойкіе, насмѣшливые глазки ежесекундно пе-
реходили съ лежавшей передъ ней книги на тетрадку,
которая быстро покрывалась круглыми и мелкими бук-
вами Сашинаго письма. Пунцовыя, пухлыя, такъ охотно
смѣющіяся, губки были плотно сжаты. По временамъ
дѣвушка брала другую большую, толстую книгу, валяв-
шуюся тутъ-же на травѣ, около нея; быстро мелькали
тогда проворные, гибкіе пальчики, перевортывая листы,

пока не находили того, что имъ нужно было; затѣмъ толстая книга небрежно отбрасывалась въ сторону, а карандашъ снова начиналъ свою прерванную на время бѣготню по бумагѣ: Саша переводила и дѣло шло пока успѣшно,—переводъ этотъ долженъ былъ играть не маловажную роль на письменномъ экзаменѣ нѣмецкаго языка. Саша любила заниматься языками и была по этому предмету первой ученицей; ея переводы считались образцовыми въ институтѣ и Саша мечтала со временемъ занять выдающееся мѣсто въ ряду русскихъ переводчицъ.

Работа была спѣшная и дѣвушка торопилась,—хорошенькая насмѣшница умѣла быть прилежной, когда хотѣла. Вдругъ за бѣлой стѣной раздался крикъ.

— Мой, мой,—кричалъ звонкій дѣтскій голосокъ.— Мой букетъ. Я набрала. Отдай сейчасъ, противный, скверный Лелька.

Послышались усиленная топотня ногъ, хрустѣнье вѣтокъ, шелестъ листьевъ. Очевидно, за стѣной происходила борьба.

— А вотъ и осѣчка! Что? достала?—насмѣшливо звучалъ грубоватый голосъ мальчика.—Ну-ка, прыгни еще, прыгни еще! Такъ, такъ! Ха-ха-ха!

— Противный, противный, противный!—пищала дѣвочка.

— Сколько хочешь бей, матушка, мнѣ не больно, а все-таки тебѣ не видать букета, какъ своихъ ушей!—пздѣвался мальчикъ.

— Ну, скажи, развѣ это честно? Ну, скажи, Лиля!—горячась обратилась дѣвочка къ подругѣ, очевидно, только что подошедшей.—Его тетя просила набрать лан-

дышей, такъ ему самому-то лѣнь, онъ и отнялъ у меня. Гадкій!

— Да вѣдь у тебя и безъ этого пять цѣлыхъ,—оправдывался мальчикъ.—А собирать ландыши, дѣйствительно, скучно.

— Отнять у другихъ несравненно легче и веселѣе!—послышался спокойный, контрольный голосъ взрослой дѣвушки.

— Нѣтъ, ты скажи, скажи, по какому праву ты изъ рукъ выхватилъ у меня этотъ букетъ?—допытывалась дѣночка.

— Разумѣется, по праву сильного!—сказала дѣвушка.

— Слушай, Катя, вотъ тебѣ условіе: если догонишь меня—отдамъ букетъ, не догонишь—тю-тю! Ну! разъ, два, т—р—и! Вали!

Послышался топотъ дѣтскихъ ногъ и смѣхъ дѣвушки.

— Лови, лови, Катя! Гляди: онъ тамъ непременно зацѣпится и упадетъ. Бѣги по той дорожкѣ, на перерѣзъ! Живѣй! Такъ, такъ!

Этотъ маленькій эпизодъ за бѣлой стѣной, несмотря на всю свою незначительность, отвлекъ вниманіе Саши и ея работа пошла медленнѣе.

Наконецъ, гибкіе пальчики съ такой силой нажали на карандашъ, что кусочки переломленного графита брызнули во всѣ стороны; книга съ досадой была отброшена въ одинъ конецъ, тетрадка въ другой; сама же Саша, сердито топнувъ ножкой, бросилась навзничь и растянулась своей гибкой, граціозной, небольшой фигуркой на сыроватой, усыпанной прошлогодними листьями, почвѣ, закинувъ руки за голову. Ея каріе глазки опустили свои длинныя, темныя, густыя рѣсницы на

покрывшіяся румянцемъ смуглыя щечки, только маленькія ножки сердито выбивали трель на землѣ, покрытой ярко-зеленой молодой травкой, а грудь порывисто и неровно дышала. Но скоро ножки присмирѣли, дыханіе сдѣлалось глубже и ровнѣе: дѣвушка задремала.

Внезапный порывъ вѣтра подхватилъ небрежно брошенную тетрадку и, шаловливо перебирая и шелестя ея листами, перенесъ ее на другое мѣсто, какъ разъ на ту самую дорожку, по которой шла маленькая, худенькая фигурка, въ порыжевшемъ пальто и въ смѣшномъ, старомодномъ капорѣ, на волнистыхъ, сѣдыхъ волосахъ.

Лизавета Степановна (это была она) наклонилась, подняла тетрадку, на мгновеніе приблизила ее къ своимъ очкамъ и затѣмъ посмотрѣла на лежавшую съ закрытыми глазами дѣвушку. Казалось, послѣдняя спала.

Лизавета Степановна тихо нагнулась и осторожно хотѣла положить тетрадку подъ тяжелый томъ словаря; но въ это время дѣвушка быстро приподнялась на локтѣхъ и съ удивленіемъ взглянула на стоявшую передъ нею старушку.

— Вотъ ваша тетрадка,—тихимъ и слабымъ голосомъ проговорила Лизавета Степановна,—ее было вѣтромъ унесло. А я, простите, кажется, разбудила васъ?

— Благодарю васъ,—произнесла дѣвушка, вскакивая на ноги. (А, „Совушка“! тетка Левицкой! „предметъ“ нашей Злобиной! Въ первый разъ вижу ее такъ близко. Что за уродъ, Боже мой! А не познакомиться-ли? поболтаемъ, все равно проклятый Гѣць сегодня не переводится... мелькнуло въ Сашиной головкѣ).—Это мой переводъ къ экзамену. Позвольте: вѣдь, если не ошибаюсь, вы—тетушка Левицкой? Мы съ ней одноклассницы?

— Да, я ея тетушка,—отвѣтила Лизавета Степановна.—Я также догадываюсь, кто вы: м-лле Голубинова, не такъ-ли?

Глазки Саши насмѣшливо и задорно блеснули.

— Да! я—она,—отвѣтила Саша.—Я почти увѣрена, что Надя, или, что вѣрнѣе, Злобина, которая васъ „обо-жаетъ“, уже отрекомендовала вамъ меня, какъ приста-валку, насмѣшницу, „для которой нѣтъ ничего святого“. Маша особенно часто примѣняетъ ко мнѣ, это выраженіе.

По блѣднымъ губамъ старушки скользнула тихая улыбка.

— Слышала я только, что вы дѣвушка живая, весе-лая, всегда не прочь посмѣяться. Что-жъ? смѣхъ вещь хорошая, лишь-бы онъ слезъ другимъ не доставлялъ.

„Что это—проповѣдь“?—подумала Саша и уже при-готовилась дать отпоръ, какъ Лизавета Степановна, ука-зывая на тетрадь, спросила:

— Переводите?

— Да, перевожу.

— Гетевского „Гёца“?

— Его. Почему вы это узнали?

— По той фразѣ, которая бросилась мнѣ въ глаза, когда я подняла вашу рукопись и посмотрѣла на нее, чтобы узнать, что это такое.

— Проклятая фраза!—неудержимо вырвалось у Са-ши,—все-таки не вышла, какъ слѣдуетъ.

— Вы не совсѣмъ вѣрно передали значеніе тек-ста,—скромно замѣтила Лизавета Степановна.—Тамъ сказано не то, кажется. Я сама когда-то занималась нѣмецкимъ языкомъ. Мнѣ помнится, что въ оригиналѣ сказано иначе.

И Лизавета Степановна процитировала неудавшееся Сашѣ мѣсто.

Саша уже схватила томикъ Гете и быстро перелистывала его, желая найти требуемое.

Черезъ минуту цвѣтущее личико дѣвушки и блѣдное увядшее лицо „Совушки“ были склонены вмѣстѣ надъ книгой. Лизавета Степановна сняла, такъ безобразившіе ее, круглые синіе консервы и Саша увидѣла, что за этими очками скрывались большіе, красивые, сѣрые глаза съ безконечно мягкимъ, задумчиво-грустнымъ выраженіемъ. Свѣтъ, струившійся изъ этихъ глазъ, имѣлъ какую-то притягательную силу и такъ освѣщалъ всѣ черты некрасиваго, стараго лица, что Саша созналась себѣ, что никогда еще не видала такого прелестнаго выраженія, какъ у этой „чучелы“, какъ еще нѣсколько минутъ назадъ окрестила она старушку.

Неладившаяся фраза, благодаря совѣту Лизаветы Степановны, была улажена, и молодая дѣвушка и старуха просидѣли добрые полчаса времени, весело разговаривая и сравнивая съ текстомъ Сашинъ переводъ. Надя нашла Голубинову и тетку оживленно и съ увлеченіемъ болтавшими о нѣмецкой литературѣ, до которой Саша была большой охотницей. Личико дѣвушки имѣло милое и ласковое выраженіе, какъ это бывало всегда, когда она была въ духѣ, какимъ видѣла его Надя въ тѣ дни, когда къ Голубиновой пріѣзжалъ обожаемый ею отецъ—красивый, еще очень молодой полковникъ, съ карими, живыми глазами.

— А я совсѣмъ завладѣла твоей тетей,—весело замѣтила Саша Левицкой и, крѣпко цѣлуясь на прощаніе со старухой, прибавила:—вы позволите мнѣ иногда

показывать вамъ мой переводъ? Вы—такой знатокъ по этой части, да и разговора о Шиллерѣ мы еще не кончили.

— И переводъ показывайте и о Шиллерѣ поговоримъ,—улыбаясь своей мягкой доброй улыбкой, отвѣтила старуха, сердечно пожимая руку хорошенькой Саши.

Склонная побалагурить и посмѣяться, Саша была очень увлекающейся, даже немного экзальтированной натурой. Живыми красками описала она начитанность и симпатичность „Совушки“. Въ своемъ классѣ умная и способная Голубинова пользовалась большимъ вліяніемъ; ея мнѣнія цѣнились высоко и вотъ съ ея легкой руки, понемногу всѣ подружки перезнакомились съ очаровавшей Сашу старушкой, и всѣ въ свою очередь были ею очарованы...

Кончились экзамены и большинство институтокъ разлетѣлось въ разныя стороны; однѣ, кончившія экзамены благополучно, уѣзжали веселыя и довольныя, съ легкимъ сердцемъ; другія, оставшіяся на годъ въ томъ-же классѣ,—менѣе хорошо настроенныя; всего-же, кажется, недовольнѣе были тѣ, которымъ предстояли переэкзаменовки и которыя, слѣдовательно, имѣли въ перспективѣ корнѣнье надъ книгами въ лѣтніе жары, когда такъ тянетъ въ лѣсъ, въ поле!.. На лѣто въ институтѣ остались только воспитанницы 1-го выпускного класса, не имѣвшія права въ послѣдній годъ своего пребыванія въ институтѣ уѣзжать домой на каникулы, да тѣ изъ воспитанницъ другихъ классовъ, которыхъ почему-либо нельзя было взять домой. Оставшіяся въ институтѣ воспитанницы пользовались лѣтомъ сравнительно большей свободой, нежели то было въ другое

время; особенныя-же преимущества выпадали на долю „выпускныхъ“. Онѣ чуть-ли не цѣлые дни проводили въ своемъ огромномъ саду; однѣ сидѣли съ книгой въ какомъ-нибудь тѣнистомъ уголку, на скамейкѣ, или-же просто на травѣ; другія безцѣльно бродили по аллеямъ парка, мечтая о своемъ будущемъ; иныя-же группами въ 2, 3, 4 воспитанницы ходили, обнявшись, и вели нескончаемые разговоры на ту-же тѣму, на которую мечтали ихъ подруги,—то есть о выпускѣ и о томъ, что ожидаетъ ихъ въ этомъ, такъ манившемъ ихъ къ себѣ невѣдомомъ и привлекательномъ мірѣ,—тамъ, на волѣ, за институтскими стѣнами. Часто въ дни и часы пріема можно было гдѣ-нибудь на скамеечкѣ, подъ тѣвю роскошной липы или стараго вѣтвистаго дуба видѣть и тщедушную фигурку Лизаветы Степановны съ ея вѣчнымъ вязаньемъ или вышиваньемъ въ блѣдныхъ, худенькихъ сморщенныхъ рукахъ. Около нея, кромѣ неизмѣнной Нади, всегда группировалось нѣсколько „выпускныхъ“, болтавшихъ о томъ, о семъ; онѣ совсѣмъ перестали стѣсняться Надиной теткой, ставшей, когда онѣ ближе узнали ее, какъ-бы родной и имъ, и она слушала ихъ щебетанье съ своей обычной грустно-ласковой улыбкой.

V.

Совушка въ лазаретѣ.

БИСТРО пролетѣло лѣто, наступилъ августъ, и институтъ снова наполнился вернувшимися изъ дому воспитанницами съ безконечными разсказами объ ихъ лѣтнемъ житьѣ-бытьѣ и ворахахъ